

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2022, №1, Том 13 / 2022, No 1, Vol 13 <https://sfk-mn.ru/issue-1-2022.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/36FLSK122.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Ваулина, Е. Ю. Современные представления о полисемии и типовая структура статьи в толковом словаре полного типа / Е. Ю. Ваулина // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2022. — Т. 13. — № 1. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/36FLSK122.pdf>

For citation:

Vaulina E.I. Modern concepts of Polysemy and the typical structure of a dictionary entry in a full-type explanatory dictionary. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 1(13): 36FLSK122. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/36FLSK122.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

Исследование выполняется при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00122 «Язык и словарь: толковый словарь как объект и эмпирическая база лингвистических исследований» (по материалам Словаря русского языка XXI века под ред. Г.Н. Скляревской)

Ваулина Екатерина Юрьевна

ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена»,
Санкт-Петербург, Россия
Заведующий Лабораторией компьютерной лексикографии, ведущий научный сотрудник
Кандидат филологических наук
E-mail: miauling@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2854-5649>

Современные представления о полисемии и типовая структура статьи в толковом словаре полного типа

Аннотация. Статья посвящена некоторым вопросам исследования лексической полисемии в когнитивном аспекте в их связи с современной лексикографической практикой. При составлении толкового словаря современного русского языка полного типа выделяются типовые структуры словарных статей многозначных слов, с той или иной полнотой реализуемые в конкретных языковых единицах. В статье представлено построение такой типовой структуры для прилагательных, образуемых от наименований минералов — замкнутой, практически однородной семантически группы слов, на развитие многозначности которых влияет прежде всего экстралингвистический фактор практической освоенности человеком называемого существительным объекта. На примере этого лексикографического материала и других данных составляемого сейчас «Словаря русского языка XXI века» рассматриваются проблемы речевого или системно-языкового понимания полисемии, ее регулярности и возможности моделирования для определенных участков лексической системы, участие полисемии как средства концептуализации, категоризации и номинации объектов в процессе познания действительности человеком, а также возможность представления логической структуры многозначности с помощью базисных метафор. Так как семантическая структура слова развивается, проводится различие между описанием многозначного слова в диахроническом словаре и словаре синхронного типа, представляющем иерархию значений с точки зрения современных носителей языка. Утверждается, что моделирование логической структуры многозначного слова возможно для определенного этапа развития языковой системы в словаре с глубокой разработкой семантики, имеющем представительную эмпирическую базу, ставящем перед собой задачу построения модели языковой картины мира современников. Материалы статьи могут быть использованы в практической лексикографии,

теоретических описаниях лексической системы современного русского языка в учебных целях, при исследовании отображения картины мира в современном русском языке.

Ключевые слова: полисемия; метафорический и метонимический перенос; толковый словарь полного типа; структура словарной статьи; значение; типовое толкование; лексикографическое моделирование

Введение

Полисемия в современной лексической семантике и лексикографии рассматривается с позиций когнитивной лингвистики как одно из основных свойств языка, связанное с особенностями языкового мышления и проявляющееся в процессах концептуализации, категоризации и номинации объектов окружающей действительности [1, с. 84; 2, с. 135]. Проблемы полисемии на лексическом уровне привлекают повышенное внимание как специалистов по когнитивным наукам в целом, так и лингвистов — С. Ульманн еще в 1957 году писал о многозначности как о стержне семантического анализа [3, с. 117], а А. Зализняк рассматривает ее как центр тяжести семантических теорий [4]. Семантическая структура многозначного слова исследуется на основе прототипического подхода [5], согласно которому семантическая целостность слова обеспечивается наличием во всех значениях общего смыслового ядра, имеющего более или менее постоянный состав. При этом размытость семантических границ слова в значительной степени обуславливается преимущественно прототипическим характером концептуальных категорий, включающих в первую очередь информацию о центральных членах, наилучшим образом представляющих всю категорию, и лишь затем — широкую, недостаточно четко очерченную сеть периферических, менее типичных [6].

Теоретические исследования лексической полисемии часто основываются на материалах толковых словарей, а также содержат выводы о практических особенностях представления в них многозначности [7; 8], однако при этом не всегда учитываются декларируемые составителями цели и задачи того или иного лексикографического описания. Одним из основных источников данных о многозначности служат однотомные словари, прежде всего «Словарь русского языка» С.И. Ожегова или «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [7; 9]. Анализируя представление многозначности в толкованиях, В.В. Морковкин писал: «Определенные лексико-семантические варианты многозначного слова могут предъявляться в словарной статье свернуто, так сказать, намеком <...> Свернутый способ предъявления отдельных значений практикуется, например, во всех словарях С.И. Ожегова» [10, с. 66].

Изучая асимметричность распределения развития полисемии слова во времени, А.А. Поликарпов и В.Я. Курлов специально обосновывали привлечение словаря именно среднего типа («Словаря русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой) в качестве источника материала исследования; («Словаря русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой); по их наблюдениям, однотомный словарь не дает достаточного материала, а расширение словаря большого типа в сравнении со средним достигается в первую очередь за счет имеющих небольшое количество значений слов [11, с. 66–70]. Последнее утверждение верно при сопоставлении словарей разных объемов, но совпадающих по другим параметрам, прежде всего описывающих один период развития языка. Кроме того, даже толковые словари, относимые к одному и тому же типу по объему словника и глубине разработки словарной статьи, могут использовать разные теоретические подходы, разные лексикографические приемы для отбора материала и представления семантики.

Л.Э. Урманова справедливо отмечает: «на то, что один и тот же вопрос может по-разному решаться в лексикологии и в лексикографии, что подача того или иного материала в словаре не всегда соответствует выводам, полученным в собственно теоретическом, лексикологическом русле, неоднократно указывали разные исследователи» [2, с. 45]. Задачей данной статьи является сопоставление результатов практической разработки многозначных слов в осуществляемом в настоящее время лексикографическом проекте, имеющим своей целью последовательное отражение системных семантических явлений, и некоторых положений, высказанных исследователями с позиций когнитивной лингвистики в их теоретических работах.

Методы и принципы исследования

Источником материала исследования являются статьи «Словаря русского языка XXI века» под редакцией Г.Н. Складневской, в настоящее время составляемого в Лаборатории компьютерной лексикографии РГПУ им. А.И. Герцена. Это синхронный толковый словарь полного типа с широким охватом словника (предполагается более 200 000 единиц описания), большой семантической глубиной разработки словарной статьи, системным использованием функциональных и стилистических помет. Он рассчитан на электронное представление в качестве основы лексикографической среды с показом гиперссылками связей разных типов между лексико-семантическими единицами. Пилотный первый том издан в 2019 году; проект словаря и образцы словарных статей представлены также в «Журнале прикладной лингвистики и лексикографии» [12]. На момент написания статьи полностью составлены и отредактированы три первых тома словаря (А — Вождь), но так как составление ведется с учетом лексико-семантических групп, в целом в словаре составлено свыше 80 000 словарных статей на разные буквы алфавита. В качестве основы эмпирической базы «Словаря русского языка XXI века» используются «Национальный корпус русского языка» и специально созданный дополнительный «Электронный фонд современного русского языка» — оперативно пополняемый неразмеченными текстами корпус, на данный момент содержащий более 22 млн. словоупотреблений (прежде всего разговорного, научно-популярного и справочного характера). Каждое выделяемое в «Словаре русского языка XXI века» значение иллюстрируется предложениями, подтверждающими его употребление в указанных источниках. Направленный на моделирование языковой картины мира, словарь не только широко фиксирует развитие у слов значений, но и старается отражать в структуре словарной статьи их значимость в языковом сознании наших современников. Данные «Словаря русского языка XXI века» позволяют рассмотреть возможности развития полисемии относительных по своему происхождению прилагательных, в общем случае в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова помещаемых в конец статьи на соответствующее существительное без толкования, а в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой получающих толкование «Соотносящийся по знач. с сущ.».

С точки зрения О.А. Булгаковой, формирование семантики производного полисеманта задается четырьмя факторами: «(1) частеречной принадлежностью мотивированного и мотивирующего, (2) принадлежностью мотиваторов к определенной тематической или лексико-семантической группе, (3) репертуаром типизированных пропозиций, составляющих фреймы мотивирующих лексем, (4) функциональной семантикой форманта, оформляющего данное слово» [1, с. 83–84]. С учетом этого в качестве примера выбраны образованные от названий минералов прилагательные как группа, однородная в аспекте действия этих факторов. Гипотетически на различия в развитии многозначности у рассматриваемых лексических единиц должны влиять лишь время появления исходного существительного, то есть его лингвистическая освоенность языком, и такой экстралингвистический фактор, как

практическое использование минерала. Важно также, что в данной группе практически не действует категоризация с помощью антонимии и синонимии; редкие случаи омонимии соотносятся с омонимией в современном русском языке соответствующих существительных (*лабрадоровый*¹ от названия минерала и *лабрадоровый*² от названия породы собак; *нефритовый*¹ от названия минерала и *нефритовый*² от воспаления почек). Хотя самим существительным свойственна омонимия при появлении неизменяемого прилагательного со значением цвета (*стойкая краска для волос аметист, блузка из шелка антрацит, шторы цвета бирюза подойдут к салатовым обоям*), структуру словарной статьи прилагательного она не затрагивает. Из файлов «Словаря русского языка XXI века» было выбрано 132 существительных, называющих минералы (или имеющих такое значение в своей структуре при многозначности: *алебастр, алмаз, бишофит, волосатик, кварц*), из которых 87 образуют прилагательные, ставшие объектом построения типовой структуры словарной статьи.

Семантика в «Словаре русского языка XXI века» разрабатывается без выделения оттенков значения, а часть толкования, содержащая расширение семантики или смысловой сдвиг, помещается за точкой с запятой и подтверждается иллюстративным материалом в зоне речений, где каждый ряд отделяется графическим знаком «<». Такое представление, распространяющееся на близкие лексико-семантические варианты или отражающее тривиальный в содержательном отношении метонимический сдвиг, В.В. Морковкин называет совмещенным предъявлением [10, с. 65]. При рассмотрении типовой структуры словарной статьи для того или иного класса лексики подобные сдвиги внутри толкования обычно не учитываются, в то же время наличие таких частей типового толкования демонстрирует отсутствие четко фиксируемых границ в структуре многозначного слова.

Результаты. Типовая структура словарной статьи

«Словарь русского языка XXI века» поддерживает функционально-тематическое маркирование лексико-семантических единиц в пределах словообразовательного гнезда и тематической группы. Так как называющие минералы значения существительных снабжаются пометой «Геол.» (в геологии), в образованных от них прилагательных также присутствует значение с такой пометой. Оно и фиксируется первым в случае многозначности (процесс интеллектуализации языка приводит к тому, что специальные значения могут осознаваться как наиболее близкие к прототипическому ядру, например, физические термины в существительных *материя, тело, тяготение, ток*) и практически обязательным в случае однозначности прилагательного:

«Геол. Относящийся к минералу; состоящий из минерала, содержащий его».

Это значение реализуется в следующих типовых речениях: *Аметистовая друза. Андрадитовая россыпь. Баритовое месторождение. Бемитовые конкреции. Витеритовая жила. Волластонитовая залежь. Морганитовые кристаллы. Оливиновая группа доминирует в мантии Земли. Плагиоклазовые вкрапления в базальте. Образцы с халцедоновыми прожилками. Хризопразовые отложения встречаются в районах, где выветрились содержащие никель породы. < Амазонитовые граниты. Анальцимовое габбро. Баритовая жеода. Бейделлитовые глины. Мелкозернистая структура диопсидового гнейса. Кальцитовые сталактиты, сталагмиты. Лабрадоровые базальты. Уваровитовые породы. Современные арагонитовые моря сложились в среднем палеозое.*

Второе значение связано с применением минерала, изготовлением из него или с ним практически используемых объектов — украшений, поделок, предметов искусства и обихода, технических деталей, строительных материалов, сырья для промышленности и сельского хозяйства и т. п., поэтому, естественно, подтверждается значительным количеством типового

употребления не для всех существительных. Значение не имеет пометы и в общем случае формулируется следующим образом:

«Сделанный, изготовленный из минерала, с минералом»; при наличии в толковании минерала уточнений «поделочный камень», «ювелирный камень» или «поделочно-ювелирный камень» обычно сопровождается дополнением «украшенный им».

Соответствующие значению типовые речения: *Агатовая ступка для лабораторной работы. Актиниолитовая брошь. Александритовое кольцо. Алмазная звезда Андреевского ордена. Алунитовая добавка в цемент. Переработка антимонитового концентрата. Изоляционная бадделеитовая пластина в стенке плазмохимического реактора. Биотитовые электроизоляторы. Бирюзовое кольцо. Внесение борацитовой муки в почву для ее обогащения. Магия бронзовых талисманов. Бруситовая известь. Везувиановая подвеска. Стекловолоконная вермикулитовая ткань. Гагатовые украшения бронзового века. Жадеитовая шкатулка. Синтез плагиоклазового стекла. Хризопразовая табакерка. Цирконовые белила не подвержены атмосферным воздействиям. Шунгитовые экранирующие материалы. Эвдиалитовый цельнокаменный браслет.*

Язык описывает не только вещественные объекты реальной действительности, его средствами создается и нереальный мир в текстах фантастики и фэнтези, в кинопроизведениях и компьютерных играх, основанных на фантастических сюжетах. Привлечение материалов из таких текстов, описаний компьютерных игр и чатов игроков позволяет сделать вывод, что даже не нашедшие широкого практического применения в действительности минералы (редко встречающиеся, трудно выделяемые в свободном виде и т. п.) способны образовывать прилагательное с таким значением; кроме того, это значение реализуется по отношению к оружию, технике, бытовым и магическим предметам и для прилагательных, образованных от названий в первую очередь ювелирных и поделочных материалов: *авгитовая броня, кирка; азуритовые перчатки, монеты; берилловый силовой щит; лабрадорский ключ; марказитовый шлем, доспех; морганитовый трон; орки бродили по уваровитым полам.*

Дальнейшее развитие полисемии на основе метонимии приводит к третьему значению, свойственному прилагательным, образованным от названий минералов, имеющих широкое практическое значение и добываемых из недр в свободном виде, в общем случае формулируемому следующим образом:

«Связанный с добычей, обработкой (реализуется в ювелирных и поделочных) и/или переработкой (реализуется в служащих технологическим сырьем) минерала.

Соответствующие значению типовые речения: *Алунитовое горнорудное управление. Цех обогащения руд асбестового комбината. Аспидные каменоломни. Баритовый карьер. Бемитовый шлам пригоден для изготовления цемента. Берилловые копи. Боросиликатные промышленные технологии. Бруситовая дробильная установка. Волластонитовая фабрика. Вольфрамитовое хвостохранилище. Крупнейшее в Европе вольфрамитовое предприятие находится в Португалии. Кустарный гагатовый промысел. Остатки жадеитовых мастерских эпохи неолита обнаружены в Японии. Кальцитовый завод. Оливиновые металлургические шлаки. Район Китая, известный своими стибнитовыми рудниками. Цирконовая флотация. Компания имеет свое шунгитовое производство. В лексике фантастических произведений и компьютерных игр употребления этого значения с существительными «рудник, шахта, штольня, копь» и т. п. актуализируются практически для всех прилагательных ряда.*

Около четверти рассмотренных прилагательных имеют в своей структуре значение, основанное на метафоре и связанное с внешними признаками минерала. В словарях оно часто получает толкование «имеющий цвет минерала», однако на самом деле большинство

минералов характеризуется разнообразием окрасок, а для обозначения цвета может выбираться самая распространенная, первая открытая, чаще всего используемая в ювелирном деле и т. п. разновидность; кроме того, в типовых примерах прилагательное в этом значении часто встречается в контексте со словом «цвет». Поэтому в общем случае толкование есть собственно определение цвета или его оттенка:

Альмадиновый — Темно-вишневый или глубокий бордовый (*альмадиновая помада; красное вино имеет альмадиновый цвет; альмадиновое платье, расшитое серебром*);

Аметистовый — Фиолетово-пурпурный или фиолетово-розовый (*вишневые деревья, усеянные аметистовыми бусами ягод; аметистовое закатное небо; люстры с подвесками аметистового цвета в Большом дворце Петергофа*);

Берилловый — Зелено-голубой (*шерсть букле берилловая; берилловые океанские волны набегают на берег; глаза у него даже не синие, а берилловые*);

Жадеитовый — Яблочно-зеленый (*молодая зелень горчицы при обжарке приобретает жадеитовый цвет; краска жадеитовая с оттенком эвкалипта*);

Лабрадорский — Устар. Серый с синим или голубым отливом (*лабрадорские переливы Черного моря; лабрадорский оттенок входит в палитру синего цвета*);

Морганитовый — Розовый, лавандовый (*предрассветное морганитовое небо; лак для ногтей морганитового цвета с бриллиантовой крошкой*);

Хризопразовый — Сочно-зеленый или яблочно-зеленый (*хризопразовая зелень свежей травы; яркая хризопразовая листва; пруд с хризопразовой водой; у кошки хризопразовые глаза*).

В некоторых случаях значение цвета образовано не на основе явного зрительного сходства, например *агат* — это разновидность халцедона из слоев разного цвета. Так как сложение всех цветов воспринимается как серый, значение прилагательного «агатный» — «светло-серый с платиновым оттенком» (*агатная эпоксидная затирка; краска акриловая агатовая; оттенки агатового сайдинга; кресло с обивкой из агатового велюра с черными опорами*). Этот определенный оттенок серого можно найти в цветовом круге и на мониторе по координатам матрицы RGB (180, 184, 176 или 181, 184, 177). Однако в языке закрепилось также еще одно цветовое значение — «черный и блестящий (обычно о глазах, волосах)» (*девушка с агатовыми глазами; агатовые кудри; агатовые пряди*). Здесь имеет место ошибочное смешение созвучных слов «агат» и «гагат» (имеющий цвет от черного до темно-коричневого) в языке. Широко используемые в авторских художественных текстах (*опаловая на восходе и адуляровая днем вершина холма; гелиодоровый мягкий свет*) и каталогах лако-красочных материалов, тканей и автомобилей (*арагонитовое серебро для верхней части кузова; борнитовый мерседес-бенц начала 90-х годов*), прилагательные в этом значении могут являться и элементами языков для специальных целей: «аспидный» — «черно-серый, сизый или синевато-черный» дает употребление в зоологических названиях птиц с такой окраской (*аспидная муравьеловка; аспидная овсянка*).

В нескольких случаях зафиксировано дальнейшее развитие значений прилагательных на основе сравнения с признаками минерала, но в этом случае общей схемы толкования не существует, так как за основу переноса наименования берутся разные характеристики (рабочее толкование — «имеющий сходство с минералом по каким-либо другим признакам, кроме цвета»):

Агатный — Состоящий из по-разному расположенных и окрашенных слоев, составляющих подобные агату или мрамору узоры (*агатное стекло — разновидность венецианского; техника агатовой керамики пришла к нам из Японии*);

Алмазный — Прозрачный, отличающийся игрой света (*алмазный иней; алмазная роса; алмазные слезинки; алмазный блеск далеких звезд; алмазные струи ручья; хоровод алмазных снежинок на солнце*).

Окказионально встречаются и такие употребления, как «*алмазной крепости честолюбие, алмазная твердость характера, создать алмазной чистоты и твердости центр, алмазной ясности русский поэт*», показывающие складывающийся переход метафорического переноса в тип объект — человек.

Может происходить и дальнейшее развитие цветового значения прилагательного, например: Бирюзовый — В психологии, теории социальной организации: основанный на самоорганизации, полной доступности информации, эволюционирующей цели, развитии как целостного живого организма (*бирюзовые технологии управления, бирюзовые организации способны работать без стратегических планов на год, бирюзовый виток развития бизнеса, отсутствие иерархической структуры в бирюзовой корпоративной культуре, осознавший связь всего живого на глобальном уровне человек переходит на бирюзовую ступень личностного роста*). Это значение прилагательного следует рассматривать в ряду соответствующих значений слов «красный — янтарный оранжевый — бирюзовый — зеленый»; сравнительно недавно вошедшие в русский язык, они, возможно, в дальнейшем будут осознаваться как омонимы (как это произошло, например, с *зеленый* «связанный с деятельностью по защите окружающей среды», *красный* «отстаивающий коммунистическую идеологию»).

Обсуждение. Современные теоретические исследования полисемии

В современных исследованиях полисемия рассматривается и как речевое явление, и как явление системы языка. В первом случае предполагается, что семантическая структура многозначного слова на уровне языковой системы хранится и функционирует в сознании носителей языка в виде компактной мнемонической структуры-инварианта или системного значения данной формы, а актуальные значения реализуются, то есть или выводятся из него на уровне контекста [5, с. 145; 13, с. 25]. Второй подход основывается на том, что значения многозначных слов выделяются на уровне языковой системы в виде отдельных единиц, хранящихся и самостоятельно функционирующих в сознании носителей языка в виде подсистем, объединяемых прототипом-инвариантом: «Coexistence of semantic components constitutes a linguistic reality which exists more in linguistic competence of speakers, as part of the language system, rather than in his linguistic performance, during the discourse (сосуществование семантических компонентов составляет языковую реальность, которая существует скорее в языковой компетенции говорящего как части языковой системы, а не в его языковой деятельности во время дискурса)» [14, с. 169]. При этом каждое отдельное значение также «характеризуется сложной внутренней структурой и разнообразными связями с другими значениями» [15, с. 1155].

Для толковой лексикографии, основной задачей которой является построение модели языковой картины мира, очевиден второй подход. Именно выделяемые как языковые значения лексико-семантические единицы описания словаря вступают в этой модели в различные синонимические, антонимические, гиперо-гипонимические, конверсивные отношения, а также получают функционально-стилистическую характеристику, демонстрируют особенности грамматического поведения, сочетаемости и т. д., являясь ее отдельными ячейками. В материалах «Словаря русского языка XXI века» существительное «синтез» имеет пять значений, среди которых только общенаучное снабжается антонимом: «*Научн. Метод научного исследования, состоящий в соединении разнообразных явлений, вещей, качеств,*

противоположностей или противоречивого множества в единство и рассмотрение целого с учетом особенностей сторон; противоп. анализ (1 зн.)). При этом последнее значение «высшая ступень в развитии явления, объединяющая в себе прогрессивные элементы прежних ступеней» с пометой «Филос.» (в философии) иллюстрируется материалом, показывающим его участие в отношениях не бинарных, исключающих антонимию в принципе: «*В философии Г. Гегеля синтез рассматривается как исходная ступень диалектического развития, вместе с антитезисом и тезисом образующая триаду*». Компьютерная версия словаря позволяет явным образом связать выделяемые лексико-семантические единицы с помощью гиперссылок, а не просто каталогизировать их под номерами в расположенных по алфавиту в списке слов вокабулах. При соответствующем запросе к геологическому языку для специальных целей будут отнесены только первые значения рассмотренных выше прилагательных. Действительно, в модели языковой картины мира каждое устойчиво выделяемое значение связано с другими в структуре полисеманта, в составе лексико-семантических, тематических и стилистических группировок, а также в иных средствах языковой категоризации. Для актуализации же закрепленных в сознании инвариантных или системных языковых структур в каждом речевом акте нужно рассматривать особенности хранения в ментальном лексиконе и семантического содержания, и свернутых связей лексико-семантических единиц.

Исследователи отмечают определенную регулярность полисемии, внутрисистемные механизмы которой можно раскрыть в ходе лингвистического анализа [16, с. 15–16], проявляющуюся в прагматическом, когнитивном и семантическом аспектах формирования значения слова [17, с. 83], что делает возможным ее моделирование. Так, по мнению Е.В. Урысон «слова одного и того же семантического класса развивают не только аналогичные значения, но и аналогичные модификации, причем те и другие представляют собой реализацию некой общей схемы, лежащей в основе семантики слов выбранного класса» [18, с. 89]. А. Круз менее категоричен, распространяя утверждение на некоторые случаи многозначности, называемые частично предсказуемыми на семантической основе [19]. В своих работах А. Круз выделяет четыре типа линейной полисемии, метонимию и метафору; по мнению же А.И. Ольховской, «все возможные способы переосмысления значения слова, в конечном счете, сводятся либо к метафоре, либо к метонимии. Именно эти типы содержательных трансформаций соответствуют двум основным операциям когнитивной экспансии по установлению системного и целостного характера картины окружающей действительности» [20, с. 84].

Участки многозначной структуры слова, основанные на метонимическом переосмыслении, действительно можно признать предсказуемыми (к этому виду относятся типы продуктивной и непродуктивной регулярной многозначности, выделенные Ю.Д. Апресяном [21, с. 193–215]) и моделируемыми в лексикографической практике. Однако построение типовой структуры словарной статьи возможно скорее в пределах определенных лексико-семантических групп и рядов, а не всего семантического класса. При этом необходимо учитывать, что даже внутри лексико-семантических групп продуктивность слов оказывается разной; по мнению Ф.У. Зоировой, она зависит от степени необходимости и употребительности слова, его способности вступать в связи с другими словами, от генетической связи их с русским или другими языками [22]. А.Р. Попова выделяет группы экстралингвистических, системноязыковых и внутрисловных факторов, влияющих на реализацию полисемии (а также словообразования и появления фразеологизмов), но первичным полагает «экстралингвистический, связанный с актуальностью для человека денотата лексической единицы» [23, с. 180].

Стоит учитывать, что все эти факторы воздействуют на единицы, находящиеся на разных этапах своего жизненного цикла, в течение которого слово, возникающее в единственном конкретном значении, развивает с постоянным замедлением значения все более

абстрактные, достигая максимально возможной по своему ассоциативно-семантическому потенциалу многозначности [24, с. 118].

Моделирование же основанной на метафорическом переосмыслении полисемии возможно в ограниченных пределах. Исследователи выделяют некоторые общие закономерности метафоризации признаков слов (физический признак предмета — свойства личности человека, признаки и действия человека и животных — явления природы, атрибут предмета — атрибут отвлеченного понятия, характеристики природы — характеристики человека [25, с. 69–70]), регулярные типы языковой метафоры в научных текстах (предмет — предмет, предмет — абстракция, человек — предмет, человек — насекомое, животное — насекомое, предмет — насекомое [26]). Однако смоделировать производное значение на этой основе невозможно, так как сходство может быть проявлено по практически любому признаку в составе основного значения: «именно поэтому метафорические переносы характеризуют, как правило, не посредством их модельного представления, а с помощью исчисления всех возможных критериев сходства предметов действительности, как-то: форма, цвет, функция, мера, ощущение и др.» [8, с. 158]. Подобным образом складываются изначально метафорические значения рассмотренных выше прилагательных, связанные с характеристиками минерала — цветом, твердостью, прозрачностью и т. п. Разные возможности моделирования основанных на метонимическом и метафорическом переносе многозначности не случайны, ведь метафора служит средством познания человеком окружающей действительности, глубоко связанным с когнитивным процессом — следовательно, предсказуемость метафорической номинации означала бы и предсказуемость познавательной деятельности человека. К метафорической номинации приложимо утверждение И.В. Бондаренко: «функция сознания — связывать; оно работает, только связывая, и может связывать любые два предмета неисчислимым множеством разных способов. Какой именно способ будет избран, определяется отношением к некоторому большому целому или к цели, и хотя мы далеко не всегда можем обнаружить эту модель, сознание никогда не действует бесцельно» [27, с. 7]. Действительно, «человек еще не обладает необходимыми знаниями о механизмах познания, понятиях или неких единицах, которыми мы оперируем в процесс познания» [17, с. 79], но в целом именно метафора отвечает за то, что «именно присущая лексическим единицам внутренняя номинативная неисчерпанность и позволяет языку (языковой личности) соразмерно отвечать на любые вызовы жизни» [10, с. 59].

Среди метафор особую когнитивную роль играют базисные метафоры, становящиеся основами теорий; «изобретатель базисной метафоры хочет охватить определенную сферу человеческой деятельности или область науки целиком. В поисках ключа к ее познанию он выбирает иную область фактов, доступных пониманию на уровне здравого смысла, с тем чтобы в дальнейшем постичь исследуемую область в терминах уже известной» [27, с. 9]. И в теории лексической полисемии возможно использование таких метафор. Так, А. Круз считает, что употребление слова в различных контекстах может приводить к появлению почти бесконечного количества значений, но в их пределах существуют области или ступки с более высокой семантической плотностью [19]. Приведенный пример построения структуры словарной статьи позволяет провести параллель со строением атома. В графической схеме изображаемые кружками электроны вращаются вокруг ядра по обозначаемым линиями орбиталиям; с точки зрения квантовой теории строения атома, орбиталь — трехмерное пространство, в котором вероятность нахождения электрона, обнаруживаемая с помощью волновой функции, очень велика (95 %). Типовая словарная статья многозначного слова сопоставима с графической схемой на плоскости, где толкования отдельных значений лишь задают системные «орбитали» в виде условных линий, подразумевая трехмерные области со «ступками семантики» и нечеткими границами при уменьшении вероятности ее реализации. Чем дальше электрон от ядра, тем больше его энергия и слабее связь с ядром — в структуре словарной статьи такое

отдаление от прототипического ядра показывается с помощью нумерации значений, последнее из которых при цепочечной полисемии с большей вероятностью стремится к омонимии. В.В. Морковкин писал о потенциальной многозначности каждого слова [10, с. 59]. Можно сказать, что типовая структура словарной статьи полисеманта для определенного класса слов задает значения виртуальные, то есть «проявляющиеся, реализующиеся при определенных условиях» (в «Словаре русского языка XXI века» это значение отнесено к междисциплинарной лексике), которые и складываются из комбинации экстралингвистических, системноязыковых и внутрисловных факторов.

Этимологический анализ в диахроническом словаре способен в некотором приближении воспроизвести логическую схему развития семантики в многозначном слове, но место отдельных лексико-семантических единиц в пределах словарной статьи полисеманта не обязано совпадать с их местом в языковой картине мира носителя языка определенного периода. Перед лексикографом, работающем над синхронным описанием лексики, стоит именно задача представления модели системы значений многозначного слова так, чтобы она отражала (в том или ином приближении) представления о мире и языковой системе нашего современника. В этой связи стоит упомянуть экспериментальное исследование семантической структуры многозначного слова, описанное в работе С.А. Песиной, О.Л. Зимаревой и Т.Ю. Баклыковой. Авторы сообщают, что в общем случае порядок хранения значений в ментальном лексиконе, установленный на основе опроса студентов, не соответствует порядку, приведенному в толковых словарях, и в большей степени определяется частотностью, актуальностью значения и рядом экстралингвистических факторов [28, с. 34]. Кроме того, фиксировались определения, не упоминаемые толковыми словарями русского языка, но обнаруживаемые в специализированных справочниках. В работе не приводятся ссылки на конкретные используемые словари; известно, что большинство активно используемых в настоящее время толковых словарей русского языка «от Пушкина до наших дней» не ставили перед собой задачи отражения синхронной лексической системы, влияния процессов интеллектуализации и детерминологизации языка. Семантическая структура слова «изменяется — некоторые значения многозначного слова исчезают, с появлением новых значений изменяется соотношение между значениями одного слова, первичные значения могут быть вытесненными производными, то есть изменяется соотношение между главным (первичным) значением и производными (вторичными) значениями» [29, с. 75]. Поэтому модель языковой картины мира с учетом значимости отдельных значений слова может быть построена только для определенного этапа развития системы языка в словаре, предполагающем большую глубину разработки семантики на значительном современном языковом материале. Необходимо учитывать также, что моделирование системы в том или ином приближении все же будет воссоздавать логическую структуру многозначного слова, а «логическая структура полисемии и реальная иерархия значений — это два разных лингвистических объекта, которые могут не совпадать» [18, с. 111]. Построение типовой структуры словарной статьи для определенных групп лексики и представляет собой, по сути, такое моделирование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгакова О.А. Полисемия производного слова как результат категоризации действительности в номинативной деятельности человека // Вестник КемГУ. — 2012. — № 4(52). — Т. 3. — С. 82–85.
2. Урманова Л.Э. Полисемия номинативных единиц как результат категоризации реальности в языковой картине мира // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. — 2014. — № 33–1. — С. 135–141.

3. Ullmann S. The Principles of Semantics. 2nd ed. with additional material — Oxford: Basil Blackwell; Glasgow: Jackson, Sons and CO. — 1959. — 348 p.
4. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. — М.: Языки славянских культур. — 2006. — 672 с.
5. Песина С.А., Солончак Т.Ю. Природа лексического инварианта // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. — Новосибирск: ЦРНС. — 2014. — С. 144–149.
6. Булгакова О.А. Категоризация, номинация и полисемия // Актуальные проблемы современного словообразования. Материалы международной научной конференции. — Кемерово: Кузбассвузиздат. — 2009. — С. 163–168.
7. Качурин Д.В. Проблема разграничения омонимии и полисемии применительно к практике составления толковых словарей // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — 2014. — Т. 73. — № 2. — С. 44–53.
8. Ольховская А.И. Полисемия как проблема общей и словарной лексикологии. Изд. 3-е, стер. — М.: Флинта. — 2020. — 456 с.
9. Филиппова А.А. Особенности полисемии в процессе терминологизации // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 24(239). — С. 184–186.
10. Морковкин В.В. О лексической полисемии // Русский язык за рубежом — 2009 — № 4 (215) — С. 57–67.
11. Поликарпов А.А., Курлов В.Я. Стилистика, семантика, грамматика: опыт анализа системных взаимосвязей (по данным толковых словарей) // Вопросы языкознания. — 1994. — № 1. — С. 62–75.
12. Складаревская Г.Н., Ткачева И.О., Ваулина Е.Ю., Сергеев М.Л., Фивейская Е.А. Проект «Словаря русского языка XXI века». Образцы словарных статей // Журнал прикладной лингвистики и лексикографии. — 2019. — № 1. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://journall.org/index.php/main/issue/view/1> (дата обращения 27.02.2022).
13. Архипов И.К. Новые тенденции анализа лексической полисемии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2008. — № 544. — С. 23–32.
14. Sonila Daiu. The Main Features of Semantic Approach of Polysemy // Journal of Educational and Social Research. — 2015. — Vol. 5. — No. 3. — P. 169–173.
15. Васильев Л.М. Актуальные теоретические проблемы современной лингвистической семантики // Вестник Башкирского университета. — 2009. — Т. 14. — № 3–1. — С. 1155–1160.
16. Беляевская Е.Г. К проблеме моделирования полисемии (межъязыковые соответствия как основание изучения принципов формирования семантической структуры слова) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2008. — № 544. — С. 14–22.
17. Боярская Е.Л. Взаимодействие когнитивных, семантических и прагматических аспектов явления полисемии // Проблемы семантики и прагматики. — Калининград. — 1996. — С. 77–83.

18. Урысон Е.В. Логическая структура полисемии и ее реализации (слово слякоть в системе языка) // Русский язык в научном освещении. — 2005. — № 2(10). — С. 87–120.
19. Cruse A. Aspects of the Micro-structure of Word Meaning // Y. Ravin, C. Leacock (ed.) Polysemy: Theoretical and Computational Approaches. — New York: Oxford University Press. — 2000. — 227 p.
20. Ольховская А.И. Лексическая многозначность в аспекте словарной лексикологии // Lingua mobilis. — 2011. — № 1(27). — С. 74–91.
21. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. — М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН. — 1995. — 472 с.
22. Зоирова Ф.У. О лингвистической природе многозначного слова / Ф.У. Зоирова, Э.Р. Хасанов, С.Р. Шейхмамбетов // Молодой ученый. — 2015. — № 6(86). — С. 811–814 — URL: <https://moluch.ru/archive/86/16326/> (дата обращения: 24.03.2022).
23. Попова А.Р. Изоморфные черты развития полисемии, словообразовательных и фразеобразовательных возможностей лексемы как векторов реализации ее креативного потенциала // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2012. — № 2(46). — С. 179–184.
24. Поддубный В.В., Поликарпов А.А. Непрерывная стохастическая динамическая модель развития полисемии ансамбля знаков естественного языка и ее идентификация // Новые информационные технологии в исследовании сложных структур. Материалы десятой российской конференции с международным участием, Томский государственный университет, 2014. — С. 118–119.
25. Жданова Э.А. Абжамалова Н.Д., Свич Н.А. Метафора и процесс метафоризации значения слов // International scientific review. — 2017. — № 4. — С. 69–72.
26. Попова Т.Г., Сачкова Е.В. Метафора в научном стиле // Международный журнал экспериментального образования. — 2016. — № 2–2. — С. 356–360.
27. Бондаренко И.В. Исследование метафоры на семантическом и когнитивном уровнях // Проблемы семантики и прагматики. — Калининград. — 1996. — С. 7–13.
28. Песина С.А., Зимарева О.Л., Баклыкова Т.Ю. Экспериментальное исследование семантической структуры слова в свете антропоцентрического подхода // Гуманитарно-педагогические исследования. — 2019. — № 4. — С. 34–38.
29. Лукошус О.Г. К вопросу о соотношении многозначности и полисемии // Альманах современной науки и образования. — 2016. — № 4(106). — С. 74–76.

Vaulina Ekaterina Iurevna

The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia

E-mail: miauling@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2854-5649>

Modern concepts of Polysemy and the typical structure of a dictionary entry in a full-type explanatory dictionary

Abstract. The paper deals with some problems of lexical polysemy research in the cognitive aspect as far as they are related to modern lexicographic practice. Compiling a full-type explanatory dictionary of the modern Russian language, lexicographers identify typical structures of dictionary entries of polysemous words, which are implemented in specific language units with varying degrees of completeness. The article presents the construction of such a typical structure for adjectives formed from the names of minerals — closed, semantically almost a homogeneous group of words, the development of the polysemy within which is primarily influenced by the extralinguistic factor of practical mastering by a person of the object called a noun. Using this lexicographic material and other data from the currently compiled «Dictionary of the Russian Language of the XXI century», are considered the problems of speech or system-language understanding of polysemy, its regularity and possibility of modeling for certain sections of the lexical system, the involvement of polysemy as a means of conceptualizing, categorization and nomination of objects in the process of human cognition of reality, and the possibility of representing the logical structure of polysemy by means of basic metaphors. Since the semantic structure of the word itself is developing, we distinguish between the description of a polysemous word in a diachronic dictionary and a dictionary of synchronous type, which represents a hierarchy of meanings from the point of view of modern native speakers. It is argued that modeling the logical structure of a polysemous word is possible for a certain stage of the evolution of the language system in a dictionary with a detailed development of semantics, having a representative empirical base, which sets itself the task of constructing a model of the linguistic picture of the world of contemporaries. Materials of the article can be used in practical lexicography, theoretical descriptions of the lexical system of the modern Russian language for educational purposes, in the study of the representation of the picture of the world in the modern Russian language. Using this lexicographic material, are considered the problems of speech or system-language understanding of polysemy, its regularity and possibility of modeling for certain sections of the lexical system, involvement of polysemy as a means of conceptualization, categorization and nomination of objects in the process of human cognition of reality.

Keywords: polysemy; metaphorical and metonymic shift; full-type explanatory dictionary; structure of the dictionary entry; meaning; model explanation; lexicographic modeling